

Гринуэй: фокус к обеду

На Московском кинофестивале предполагают показать новую картину Питера Гринуэя «Восемь с половиной женщин». Еще десять, семь даже лет назад об этом событии писали бы все заводские многотиражки. Нынче не станут – значит, культура и в России заняла подобающее ей место.

Задним числом понятно, что 1982 годом – годом смерти Фасбиндера – можно точно датировать конец арт-кино, надолго, если не навсегда вытесненного индустрией развлечений. Не то чтобы искусство исчезло вовсе – утверждать так было бы некоторым преувеличением, но интерес к нему сделался неприличным. Райнер Вернер Фасбиндер был последним творцом в законе, имевшим право отрывать буржуазию от обеда. У Дерка Джармена это уже не вполне получилось: его публичное, сладострастное и мучительное, умирание не было сочтено достаточно вежливым предлогом. Все остальные так или иначе вписываются в меню, даже Ларс фон Триер, искренне полагающий, что он этого не делает: «новая документальность», а бы сказал, минеральность датчанина отлично завершает трапезу – стакан воды требуется после кофе.

Питер Гринуэй, возникший в восьмидесятые годы, первым не только осознал ситуацию, но и овладел ею. Трудно вообразить темы, более далекие от современности, чем те, что он из фильма в фильм разворачивал. И «Контракт рисовальщика», и «Живот архитектора», и «Отсчет утопленников», и «Повар, вор, его жена и ее любовник» трактовали излюбленные мотивы барокко: тело как текст и трагедию как феерию. Изрядно образованный, Питер Гринуэй насыщал свои картины головокружительными подробностями, внятыми трем знатокам, и все вместе походило на изысканнейший ученый труд, разложенный на голоса и распеваемый с эстрады.

Не было никаких шансов, что его станут слушать, но Европа застыла заморожен-

ная. Фокус был в фантастической дизайнерской одаренности Гринуэя, но даже это не главное. Главное – та невозмутимость, с какой он устанавливал моду. «Нынче принято носить так», – говорил он, и ему верили. И как было не верить, когда каждый новый фильм тут же откликнулся на подиуме и оживал в интерьерах, переворачивая насущное: тряпки, в которых вкушают еду, и стулья за вождельным столом. Так Питер Гринуэй в конце восьмидесятых годов ввел моду на век семнадцатый, академическая проблематика сделалась попсовой.

Но мода скоротечна, и мудро показывать один и тот же фокус. «Книги Просперо» (1991), этот блистательный комментарий к каждой строчке Шекспира, еще смотрели с дружным вниманием: можно подумать, что все читали «Бурю». Но «Дарвин» (1993), «Дитя Макона» (1993) и «Записки у изголовья» (1996) уже откровенно провалились. Тело как текст и трагедия как феерия остались на месте, но отныне вызывали только зевоту. Он старомоден – вот расплата за то, что когда-то был модным. Дизайнеры, впрочем, с утроенной силой продолжали растаскивать Гринуэя, но словно стеснясь источника, из которого черпали. Последний фильм, самый изощренный из всех, в русском прокате не только не переварили, но даже и не перевели: экранизация классической книги Сей-Сенагон вышла под пошлейшим названием «Интимный дневник».

Гринуэй – крупнейший художник конца века? Некоторые так считают. Он неустанно твердит о главном? Возможно. Барокко и есть язык культуры? Очень может быть. На это есть разные фонды, голландские меценаты, японские миллионеры. Они не дадут ничему засохнуть. Фильм снимут, его покажут по клубам. Три знатока непременно оценят это.

Александр Тимофеевский

? Питер Гринуэй – человек крайне непредсказуемый. Не исключено, что его фильм «8 1/2 женщин» так на фестивале и не покажут.

Апрель - 1999 - 12 июля - С. 17.